

У 239
1924

28

СЕМЪ ВОРОНОВЪ

~~21~~
~~30194~~

~~CP~~
15506

234
C-30

А. Шубиной

СЕМЬ ВОРОНОВЪ.

И 234
1924

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА
ДЛЯ
ДОБРЫХЪ ДѢТЕЙ.

СЪ ШЕСТЬЮ РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНКАМИ.

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. В. МОРОЗОВА.
1883.

Дозволено Цензурою. Москва, 6 Октября 1883 года.

33396-44

8059.442

ТИП. В. Я. БАРБЕЙ, ЯСНИЦКАЯ, ЗЛАТОУТОВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ВОЕЙКОВОЙ.

Одной вдовы было восемь человѣкъ дѣтей: семь мальчиковъ и одна дѣвочка. Младшая, миленькая маленькая дочка, не причиняла ей ни заботъ, ни горя—она была очень кротка и чрезвычайно послушна; но семь мальчугановъ, одинъ другаго выше и сильнѣе, часто такъ неукротимо шалили, что даже и старикъ дѣдушка не всегда могъ съ ними справиться.

Случилось разъ, что эти семеро веселыхъ мальчугановъ дольше гробѣгали на дворѣ, чѣмъ имъ обыкновенно позволялось и не слушались матери, звавшей ихъ домой ужинать. Вышла и ихъ маленькая сестренка и сказала имъ:

— Милые братцы, послушайтесь и идите домой! Мать и дѣдушка очень на васъ сердятся; да и супъ, вашъ, вѣдь, простынетъ! Когда они наконецъ, ушли съ улицы. Но каждый изъ нихъ хотѣлъ первый добратся до миски и они съ такимъ шумомъ и въ такомъ безпорядкѣ влетѣли въ комнату, что мать сердито закричала имъ:

— Перестаньте, безбожные мальчуганы! Я бы хотѣла, чтобы вы сейчасъ стали семью воронами!

Только что она выговарила эти злые слова и семь мальчиковъ превратились въ семь какъ уголь черныхъ вороновъ, вылетѣли съ громкимъ свистомъ и карканьемъ въ открытое окно и пропали въ сумерькахъ. Мать и дѣдушка такъ испугались, что поблѣднѣли, какъ полотно; сестренка сначала приняла все за шутку, но когда поняла въ чемъ дѣло, принялась такъ горько плакать, что жалко было смотреть. Она никакъ не переставала и успокоилась только тогда, когда ее утѣшили, что братцы ея навѣрное опять къ ней вернуться.

Но годы шли за годами, а семеро братьевъ все не возвращались. Мать и дѣдушка давно уже потеряла всякую надежду снова ихъ увидѣть. Только сестрица, которая за это время уже выросла, ничего не хотѣла объ этомъ и слышать.

— Вѣдь не могли же они совсѣмъ улетѣть со свѣту,—печально говорила она. Я пойду и буду искать ихъ, пока найду,—сердце мое не находить себѣ покоя.

Она завязала себѣ на спину корзиночку съ кое-какою провизіею, взяла въ руки скамеечку, чтобы отдыхать въ дорогѣ, простилась съ матерью и дѣдушкою и пустилась путешествовать по бѣлу свѣту. Всюду, гдѣ она проходила, она спрашивала о семи воронахъ; но никто не могъ ей ничего сказать о нихъ.

Такъ добрая сестрица долго, долго путешествовала и даже еще не нашла и на слѣдъ своихъ заколдованныхъ братьевъ. Какъ-то вечеромъ она прилегла у опушки лѣса и такъ намаялась за день, что скоро уснула. Когда она проснулась, противъ нея стояла на небѣ

свѣтлая утренняя звѣзда. Она такъ чудесно освѣтила милос дитя, что тронула ея сердце и дѣвочка невольно простерла къ ней руки и воскликнула:

Ахъ, здравствуй, звѣздочка золотая,
Къ тебѣ я руки простираю
Мнѣ братьевъ надо отыскать
Скажи, куда мнѣ путь держать?

Тогда прекрасная утренняя звѣзда слетѣла съ неба въ видѣ чуднаго, златокудраго мальчика въ бѣлой одеждѣ, поцѣловала изнуренную дѣвочку въ блѣдныя щеки, такъ что она зацвѣла, какъ юная роза, и сказала ей, подавая золотой ключъ:

Ступай скорѣй за ключикомъ златымъ
Укажетъ путь онъ къ воровамъ твоимъ
И въ замокъ графскій ты за нихъ войдешь,
Тамъ пиръ веселый свадебный найдешь.

Нѣжно поцѣловавъ дѣвочку еще разъ въ лобъ, утренняя звѣзда снова полетѣла на небо и пропала за облаками.

Сестрица теперь весело шла по тому пути, который ей все указывалъ золотой ключъ. Онъ велъ ее черезъ горы, черезъ доли, далеко, далеко и наконецъ остановился на горѣ передъ замкомъ, который великолѣпно блестѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца. Это былъ Фалькенбургъ (соколиный замокъ). Въ былые времена тутъ жила богатая вдова графиня со своимъ единственнымъ сыномъ. Но эта графиня была очень гордая и жестокая женщина. Однажды, когда она ходила со своимъ сыномъ по двору замка, безобразная старуха—нищая попросила у нея милостыни. Разсердившись, графиня закри-

чала лакею, чтобы онъ сейчасъ же прогналъ эту женщину изъ замка. Но нищая была злая колдунья и сказала графинѣ:

— Пусть же твой сынъ станетъ дикимъ соколомъ до тѣхъ поръ, пока утренняя звѣзда не пошлетъ ему невѣсты! Богатства же твои пусть устыдятся твоей скупости и спрячутся въ сундучекъ, какъ мышь въ нору!

Лакею же, который взялъ колдунью за руку, чтобы прогнать, она сказала:

— А ты? Ты съежишься въ карлика съ сѣдою бородою и будешь охранять драгоценный сундучекъ скупой графини. Если, наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ придетъ соколиная невѣста, то ты можешь отдать ей этотъ сундучекъ вмѣсто свадебнаго подарка, только пусть она не открываетъ его здѣсь, въ этомъ проклятомъ мѣстѣ, а унесетъ въ свою комнатку, тогда все колдовство рухнетъ!

Колдунья исчезла, а проклятіе ея немедленно исполнилось: прелестный мальчикъ сталъ дикимъ соколомъ, лакей — сѣдобородымъ карликомъ; они ходили по двору, все же остальное, что было въ замкѣ, безслѣдно исчезло вмѣстѣ съ графинею и въ пустыхъ покояхъ остались только соломенная постель, накрытый столикъ, двѣ, три старыя скамьи и запертый сундучекъ. Это скудное имущество находилось въ баннѣ, въ комнатѣ, служившей карлику жильемъ и спальней. Въ этомъ то заколдованномъ Соколиномъ замкѣ и нашли себѣ радушный пріютъ семь вороновъ, долго странствовашіе по свѣту. За гостепріимство они, съ своей стороны, поклялись соколу въ вѣрности и обѣщали выждать у него, пока наконецъ настанетъ для всѣхъ ихъ день освобожденія отъ злыхъ чаръ. Когда сестрица подошла къ замку, она увидѣла, что ворота закрыты. Но только что она дотронулась

до замка золотымъ ключикомъ, и ворота заскрипѣли, повернулись на своихъ петляхъ; когда дѣвушка вошла, на встрѣчу ей вышелъ карликъ съ сѣдою бородой и спросилъ ее, кого ей надобно!

Дѣвушка робко проговорила:

— Меня послала утренняя звѣзда, — я ищу своихъ братьевъ семейныхъ вороновъ! Какъ только карликъ услышалъ это, онъ сейчасъ же низко поклонился прекрасному дитяти и сказалъ:

— Господь вороновъ еще пока итъ дома — они улетѣли на охоту съ моимъ господиномъ и повелителемъ, благороднымъ соколомъ и не возвратятся ранѣе полуночи. Но если вы пожелаете дожидаться ихъ, вы имъ доставите великую радость.

Потомъ карликъ повелъ дѣвушку по лѣстницѣ на верхъ, въ свою комнату и вѣжливо сказалъ:

— Какъ видите, столикъ накрытъ и кровать постлана. Кушайте на здоровье и отдыхайте до утра.

Сестрица такъ и едѣлала; изъ каждой тарелочки и изъ каждого стаканчика, приготовленныхъ для вороновъ она отпила и скушала понемножку, потомъ легла отдыхать. Скоро она такъ крѣпко уснула, что совсѣмъ не слыхала возвращенія вороновъ.

Когда въ полночь, вороны прилетѣли, карликъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу и весело сказалъ:

— Эй, господа, потише! Наверху, въ башнѣ спятъ барышня, которую къ намъ послала утренняя звѣзда.

— Это моя невѣста! съ радостью воскликнулъ благородный соколъ, славу Богу! приближается день нашего освобожденія! и онъ

поспѣшили на верхъ поздороваться съ невѣстою. Но пришедши туда, онъ точно ослѣпъ. Онъ нигдѣ не могъ разглядѣть прекрасной дѣвушки; соломенная постѣль стояла такъ, какъ будто никогда никто въ ней не лежалъ. Печально вернулся соколъ назадъ. Тогда семь вороновъ одни поскакали къ верху и, вошедши, увидѣли прелестную дѣвушку, лежавшую на соломенной постели. Они усѣлись рядомъ вокругъ спавшей дѣвочки и грустно смотрѣли на нее. Тогда старшій братъ сказалъ:

— Ахъ, вѣдь это наша сестрица. Какая она выросла большая и какая стала красавица!

— Да, это наша сестрица, сказалъ второй. я узнаю ее по каштановымъ локонамъ!

Третій:

— А я по розовымъ щечкамъ!

Четвертый:

— А я по ямочкѣ на подбородкѣ!

За нимъ и пятый:

— А я по пѣжнымъ ручкамъ!

Шестой:

— А я по колечку на пальцѣ!

Наконецъ и седьмой воронъ проговорилъ:

— Я бы узналъ ее по кроткимъ милымъ глазамъ! Ахъ, хоть бы она проснулась и открыла ихъ,—мы были бы спасены!

Вороны уже хотѣли разбудить сестрицу, но вошелъ карликъ и воскликнулъ:

— Бога ради, не дѣлайте этого; лучше возьмите ее и снесите домой; потому что она должна покинуть замокъ спящею.

Вотъ я дарю ей этотъ сундучекъ — когда она откроетъ его у себя дома, въ своей комнатѣ, то злые чары со всѣхъ насъ спадутъ.

Съ этими словами карликъ положилъ загадочный сундучекъ дѣвущкѣ на колѣни. Она все слышала, какъ во снѣ и потому охотно дала воронамъ осторожно поднять себя и унести на воздухъ. Передъ дверью отцовскаго дома они тихо положили ее на землю и поспѣшно улетѣли снова въ Соколиный замокъ.

Дѣдушка и мать испугались, когда сестрица опять такъ неожиданно, негаданно стояла передъ ними.

— Ахъ, господи! вздыхали они,—ты пришла одна! Гдѣ же твои братья?

— Подождите! сказала имъ сестрица,—и они тоже придутъ!

Тогда она пошла въ свою комнатку и открыла золотымъ ключикомъ сундучекъ съ драгоценностями.

И что-же! — тамъ лежало только одно маленькое зеркальце. Но когда дѣвушка въ него взглянула, она покраснѣла до ушей, — она увидѣла себя въ великолѣпномъ нарядѣ, какъ царскую невѣсту. Въ ту же минуту вошли въ домъ и молодой графъ фонъ Фалькенбургъ съ семью братьями. Братья нѣжно обнимали и цѣловали мать и дѣдушку; графъ же немедленно просилъ руки сестрицы, которую поторопились позвать. Она явилась передъ графомъ прелестною и охотно дала свое согласіе. Велика была всеобщая радость, и въ пре-

красномъ замкѣ Фалькенбургѣ, снова разукрашенномъ со все́мъ прежнимъ блескомъ и роскошью, отпраздновали теперь такую славную свадьбу, какая врядъ ли когда бывала на свѣтѣ.

Изъ семи же братьевъ вышли въ послѣдствіи все честные, умные люди.

МУДРЫЙ ПАСТУХЪ.

Въ одной далекой землѣ жилъ бѣдный король; у него было очень маленькое королевство, — такъ что онъ боялся даже, что не прокормить своей жены, а жениться онъ былъ очень не прочь. Съ его стороны, конечно, было бы дерзко сдѣлать предложеніе сосѣдней богачей царской дочери, хотя имя его и было знаменито, и хотя бы за него пошли сотни другихъ царевенъ.

На гробу отца этого короля росъ розовый кустъ, прекрасный розовый кустъ; онъ цвѣлъ только черезъ пять лѣтъ и приносилъ только одинъ цвѣтокъ; но это была такая роза, запахъ которой разгонялъ всѣ горести и печали. Кромѣ того у него былъ соловей, который могъ пѣть такъ, какъ будто бы въ его глоткѣ помѣщены были всѣ сладкія мелодіи. Эта роза и соловей были помѣщены въ серебрянныя хранилища и посланы къ царевнѣ.

Повелитель приказалъ отнести изъ въ большую залу, гдѣ играла царевна съ своими придворными дамами; когда она увидала большія хранилища, то отъ радости захлопала въ ладоши.

— Ахъ, если-бъ это была конечка! сказала она. Но оттуда вышелъ розовый кустъ съ прекрасной розой.

— Ахъ, какъ это мило! воскликнули фрейлины.

— Это больше, чѣмъ мило, — сказалъ царь: это прекрасно!

Но прекрасной царевнѣ это не понравилось, и она принялась плакать.

— Тьфу, папа, сказала она, — это не искусственно это естественно!

— Тьфу, тьфу! сказали и фрейлины, это естественно.

— Постой, посмотримъ прежде, что въ другомъ, сказалъ царь.

Открыли другое хранилище и оттуда вылетѣлъ соловей, который пѣлъ такъ прекрасно, что ничего дурнаго и на умъ могло придти.

— Э, да это настоящій живой соловей! сказали всѣ фрейлины.

— Какъ эта птица напоминаетъ мнѣ игральную машину царицы, сказалъ одинъ старый кавалеръ: да, тотъ же самый тонъ, та же самая манера.

— Да! согласился Царь и заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Эта тоже не естественная ли птица? спросила царевна.

— Да, это естественная птица; сказали тѣ, которые ее принесли.

— Такъ выпустите ее на свободу! сказала царевна, и она слышать не хотѣла, чтобы король-женихъ явился къ двору.

Но тотъ былъ не изъ робкихъ. Онъ намазалъ себѣ лицо коричневой краской, надвинулъ шапку себѣ на глаза, одѣлся въ мужицкій армякъ, и въ такомъ видѣ постучался у дверей дворца.

— Здравствуй, царь! сказалъ онъ, — нѣтъ ли у тебя здѣсь во дворцѣ какой нибудь службы?

— Какъ не быть! отвѣчалъ царь, — мнѣ надо овечьяго пастуха. И король былъ произведенъ въ овечьи пастухи. Ему отвели каморку рядомъ съ овечьимъ хлѣвомъ; тамъ онъ долженъ былъ жить. Онъ цѣлый день работалъ, и уже къ вечеру успѣлъ сдѣлать маленькій очень хорошенекій горшечикъ; кругомъ его были гремушки, и лишь только горшокъ начиналъ кипѣть, раздавалась пѣсня:

„Ужъ, какъ вѣть вѣтерокъ, вѣтерокъ.“

Къ тому же онъ до того чудесно былъ сдѣланъ, что положивши пальцы на его крышку, можно было обнюхать, что готовилось въ каждомъ изъ городскихъ домовъ.

Царевна со своимъ дворомъ вышла гулять, и когда она услышала эту молодію, то обрадованная остановилась, и прислушалась. Она сама только эту одну пѣсню и умѣла играть, но за то играла однимъ пальцемъ.

— Вотъ чего мнѣ надо, сказала она, — это должно быть умный пастухъ. Послушай, ступай къ нему и спроси: что стоитъ горшокъ?

Пошла одна изъ фрейлинъ.

— Что ты хочешь получить за горшокъ? спросила она.

— Я хочу получить дѣсять поцѣлуевъ отъ царевны, — сказалъ овечій пастухъ.

— Что ты городишь, помилуй! сказала фрейлина.

— А иначе вы его не получите.

— Ахъ, какъ онъ глупъ, сказала царевна и пошла прочь; но

едва лишь отошла она нѣсколько шаговъ, какъ снова зазвучала пѣсня:

„Ужь, какъ вѣтъ вѣтерокъ, вѣтерокъ!“

— Послушай, сказала царевна,—не хочетъ ли онъ получить десять поцѣлуевъ отъ моихъ фрейлинъ.

— Нѣтъ, очень благодаренъ,—отвѣчалъ пастухъ: дѣсять поцѣлуевъ отъ царевны, или иначе я не отдамъ горшокъ.

— Что это за глупая исторія, сказала царевна, но въ такомъ случаѣ станьте вокругъ меня, чтобы никто не видалъ.

Фрейлины обступили царевну и расширили свои платья; пастухъ поцѣловалъ десять разъ царевну и отдалъ ей горшокъ.

Вотъ была радость! цѣлый день и весь вечеръ кипятили горшокъ, онъ знали теперь, что варится во всемъ городѣ отъ камергера до саножника; фрейлины плясали и хлопали въ ладоши.

— Мы знаемъ, кто будетъ ѣсть сладкій супъ и яичные пироги, и знаемъ, кто удовольствуется одной кашей. Ахъ, какъ это интересно!

— Однако будьте поскромнѣе, вы знаете, я царская дочь.

— Конечно, конечно, сказали всѣ.

Пастухъ же не терялъ даромъ времени, и сдѣлалъ трещотку, при вращеніи которой звучали всѣ извѣстные въ мірѣ танцы.

— Ахъ, какъ это превосходно! сказала проходившая мимо царевна. Я никогда еще не слыхала такой прекрасной музыки. Послушай, ступай къ нему и спроси, что стоитъ инструментъ? только поцѣловать я не буду.

— Онъ хочетъ получить отъ васъ сто поцѣлуевъ, сказала возвратившаяся фрейлина.

— Онъ просто сумашедшій! сказала она и пошла прочь; но пройдя немного, остановилась, — надобно по возможности поощрять искусство, сказала она: я дочь царя! скажи ему, что я дамъ 10 поцѣлуевъ, остальные онъ можетъ собрать съ моихъ фрейлинъ.

— Ахъ, намъ этого не хочется, сказали фрейлины.

— Ну, это басни, сказала царевна, если я могу его поцѣловать, такъ и вы можете. И фрейлины опять должны были идти къ нему.

— Сотню поцѣлуевъ отъ царевны, или вы не получите трешетки.

— Ну, дѣлать нечего, становитесь вокругъ, сказала царевна, и фрейлины стали, а пастухъ началъ цѣловать.

— Что это за толпа вокругъ овчарни, спросилъ вышедшій на балконъ царь. Онъ протеръ себѣ глаза и надѣлъ пенсне, э! тамъ придворныя дамы, дай-ка я зайду сзади.

Онъ подошелъ сзади, никѣмъ не замѣченный, потому что фрейлины были заняты счетомъ поцѣлуевъ; онѣ хотѣли, чтобы дѣло было по чести. Царь поднялся на цыпочки. Что это такое? вскричалъ онъ, когда увидалъ пастуха, цѣлующагося съ его дочерью, и ударилъ ихъ своей туфлей по головамъ, какъ разъ на восемьдесятъ шестомъ поцѣлуѣ.

— Прочь съ моихъ глазъ! воскликнулъ царь, потому что онъ былъ очень сердитъ, и какъ пастухъ, такъ и царевна должны были покинуть его государство.

Такъ она стояла и плакала, дождь на нихъ лилъ ручьями.

— Ахъ, я несчастная, горемычная! говорила царевна, зачѣмъ я не пошла за прекраснаго короля! Ахъ, какъ я несчастна!

Но пастухъ пошелъ за деревья, смылъ краску съ своего лица, сбросилъ негодный армякъ, и выступилъ передъ нею въ мундирѣ короля, такимъ прекраснымъ, что царевна невольно склонилась передъ нимъ.

— Я пришелъ къ вашему двору, чтобы посмѣяться надъ тобой: ты не хотѣла имѣть мужемъ короля! ты не приняла розы и соловья, а за игрушку цѣловала пастуха! Вотъ же тебѣ за это!

И онъ вошелъ въ свое королевство, а ей заперъ дверь передъ носомъ. Тогда, конечно, она могла пѣть сколько угодно: «Ужъ, какъ вѣть вѣтерокъ, вѣтерокъ!»

8257-22

19

helen - 1